

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣдом.
въ Симфероп.
Духовной
Семинаріи.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ
МЪСЯЦЪ.

№ 12.

15 Іюля 1888 года.

Цѣна
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

І. ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Архіерейскія служенія.

17 Мая въ 9 часовъ утра Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Мартиніанъ, Епископъ Таврической и Симферопольскій благополучно возвратился изъ г. Кіева въ Симферополь.

18 Мая. Преположеніе пятидесятницы. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ. Проповѣдь въ обычное время говорилъ священникъ Феодоръ Сеницынъ. По Литургіи Его Преосвященствомъ совершенъ былъ, при участіи градскаго духовенства, крестный ходъ на городской фонтанъ, гдѣ совершено водоосвященіе.

22 Мая. Недѣля 5-я Самаряныни. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ.

25 Мая. Среда. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома.

29 Мая. Недѣля 6-я по Пасхѣ о слѣпомъ. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ. Проповѣдь говорилъ священникъ Петръ Царевскій. По произнесеніи проповѣди произведенъ былъ сборъ пожертвованій въ пользу слѣпыхъ.

1 Юня. Среда. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома.

2 Юня. Вознесеніе Господне. Наканунъ Его Преосвященство служилъ всенощное бдѣніе, а въ день праздника совершалъ позднюю Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ. Проповѣдь говорилъ священникъ Іоаннъ Тяжеловъ.

5 Юня. Недѣля 7-я Св. Отець. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ.

8 Юня. Среда. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома.

11 Юня. Суббота предъ Пятидесятницею. Его Преосвященство совершалъ Заупокойную Литургію въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома. Въ 11 часовъ дня Его Преосвященство изволилъ прибыть на военное кладбище, гдѣ имъ и отслужена панихида по усопшимъ воинамъ.

12 Юня. День Св. Пятидесятницы. Его Преосвященство наканунъ праздника служилъ всенощное бдѣніе въ Каѳедральномъ Соборѣ, а въ день самаго праздника совершалъ Литургію въ Троицкой церкви Греческаго прихода.

13 Юня. Понедѣльникъ Св. Духа. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Покровской церкви Епархіальнаго Женскаго Училища. Проповѣдь говорилъ священникъ Евстаѣй Новикъ. По Литургіи Его Преосвященствомъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

15 Юня. Среда. Его Преосвященство совершалъ Литургію въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома.

16 Юня въ 8^{1/2} часовъ вечера Его Преосвященство изволилъ выѣхать изъ Симферополя въ Херсонисскій монастырь.

Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Мартиніану, Епископу Таврическому и Симферопольскому.

Г. Мелитополя Александро-Невскаго Собора священника Николая Кумпана

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

Въ № 5 Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за текущій годъ помѣщать отчетъ о дѣятельности приходскаго попечительства въ сел. Кизіарь за первые два года существованія онаго, т. е. съ 25 Ноября 1885 г. по 1 Января 1888 г., составленный предсѣдателемъ онаго, протоіереемъ Стефаномъ Чепиговскимъ. Построеніе церкви есть и историческій памятникъ, долженствующій напоминать потомкамъ о вѣрѣ и благочестіи ихъ предковъ; поэтому современный лѣтописецъ долженъ быть въ высшей степени добросовѣстнымъ въ изложеніи фактовъ, какъ пред-

шествовавшихъ началу такого святаго дѣла, такъ равно и текущихъ.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя недомолвки и опущеніе разныхъ существенныхъ фактовъ въ изложеніи этого отчета о дѣйствіяхъ попечительства, я смиреннѣйше прошу Ваше Преосвященство, обратить милостивое вниманіе на отсутствіе въ отчетѣ такого фундаментальнаго документа, какъ приговоръ Кизіарскаго сельскаго общества отъ 26-го Февраля 1885 года, копія котораго хранится въ Таврической Духовной Консисторіи при дѣлѣ о постройкѣ церкви въ с. Кизіарь. Документъ этотъ достаточно освѣщаетъ дѣятельность лицъ, дѣйствительно творящихъ дѣло Божіе по совѣсти и съ искреннимъ желаніемъ помочь жителямъ Кизіарскаго селенія въ безотлагательномъ сооруженіи храма Божія.

Прилагая при этомъ копію вышеозначеннаго приговора, смиреннѣйше прошу Ваше Преосвященство, для восстановленія истины, сдѣлать распоряженіе: отпечатать настоящую докладную записку вмѣстѣ съ прилагаемымъ при семъ приговоромъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Ваше Преосвященство, милостиваго Архипастыря и Отца, низжайшій послушникъ

Священникъ *Николай Кумпанъ.*

ПРИГОВОРЪ.

1885 года, Февраля 25-го дня.

Мы нижеподписавшіеся, Таврической губерніи, Мелитопольскаго уѣзда, Терпѣвьевской волости, селенія Кизіярь крестьяне-собственники, принадлежащіе приходомъ къ Александро-Невскому Собору г. Мелитополя, собрались на сельскій сходъ, при нашемъ сельскомъ управленіи, гдѣ и постановили настоящій приговоръ. Всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса въ нашемъ обществѣ, считается 249 душъ, изъ нихъ въ настоящемъ сходѣ 166 душъ. На семъ сельскомъ сходѣ имѣли между прочимъ сужденіе о необходимости постройки церкви въ селѣ Кизіярь. Къ такому сужденію понудило насъ постоянное напоминаніе уважаемаго нами приходскаго священника, о. Николая Бумпана, который со дня поступленія своего къ Мелитопольскому Собору при каждой требѣ и свиданіи съ нами постоянно указывалъ намъ на то, что старики и дѣти наши по дальности разстоянія отъ приходскаго храма лишены возможности величайшаго блага посѣщать храмъ Божій. Раздѣляя вполнѣ справедливость словъ достойнаго нашего пастыря, мы, поговоривъ между собою, и принявъ во вниманіе, что приходской нашъ храмъ отстоитъ отъ центра села въ трехъ и отъ окраинъ въ пяти верстахъ, и кромѣ того въ великіе праздники не вмѣщаетъ всѣхъ молящихся, единогласно постановили: ходатайствовать предъ Его Пресвященствомъ, Пресвященнѣйшимъ Гермогеномъ, Епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ о разрѣшеніи намъ построить въ селѣ Кизіярь на общественныя сред-

ства, по представленному при семь плану, на избранномъ нами удобномъ и приличномъ мѣстѣ каменную одво-престольную церковь во имя Святыя Троицы. Для наблюденія за постройкой церкви учредили строительный комитетъ изъ семи лицъ: священника о. Н. Кумпана и нашихъ односельцевъ крестьянъ: Ивана Тристуны, Сергія Филоненка, Георгія Черненко, Стефана Торопи, Семена Баркушки и Павла Синеокаго, изъ коихъ: священно Н. Кумпанъ избираемъ предсѣдателемъ, Стефана Торопи казначеемъ, Павла Синеокаго дѣлопроизводителемъ, а остальныхъ смотрителями работъ, каковыхъ лицъ просимъ Его Преосвященство утвердить въ избранныхъ должностяхъ, и повелѣвъ кому слѣдуетъ выдать комитету двѣ книги для записи расходовъ и приходовъ денегъ и матеріаловъ.

По устройствѣ церкви къ таковой перевести на жительство изъ наличнаго причта Мелитопольскаго собора священника и псаломщика, на содержаніе коихъ къ платимымъ нами приходскому причту 600 руб. добавляемъ еще 300 руб. За какое содержаніе причтъ обязанъ безвозмездно совершать слѣдующія требы: крещеніе, бракъ, погребеніе, исповѣдь, напутствіе больныхъ Св. Причастіемъ, ежегодное освященіе полей, новыхъ домовъ и колодцевъ, а за остальные требы по добровольному соглашенію съ прихожанами. Кромѣ того обязываемся съ постройкой церкви выстроить для причта приличные удобные дома со всѣми необходимыми при нихъ хозяйственными обзаведеніями. Что же касается требуемаго закономъ надѣла причта подцерковною землею, то таковая отведена нами уже причту Мели-

топольскаго Собора изъ общественной земли въ количествѣ 120 десятинъ. При семъ заявляемъ, что на построение церкви потребуется до тридцати тысячъ руб., постройку предполагается начать въ текущемъ 1885 году и закончить въ теченіи трехъ лѣтъ, на что имѣются слѣдующія денежные средства: наличными до восемнадцати тысячъ, ежегодныхъ доходовъ отъ общественныхъ статей до трехъ тысячъ и кромѣ того впередъ до окончательнаго устройства церкви и прихода обязываемся отвести изъ душеваго надѣла 500 десятинъ земли и отдавать эту землю въ аренду, которой ежегодно получится до 3000 р. Объ отводѣ этой земли и о томъ, кто будетъ завѣдывать оною, имѣеть быть постановленъ отдѣльный приговоръ. Настоящій приговоръ, по надлежащемъ засвидѣтельствованіи его въ нашемъ сельскомъ Управленіи, поручаемъ избранному нами Строительному Комитету вмѣстѣ съ планомъ церкви, расчетомъ, пояснительною запискою, смѣтою и подпискою гражданскаго инженера Оскара Клаусена, принявшаго техническое наблюденіе за постройкою церкви, представить куда слѣдуетъ. Въ чемъ постановленъ настоящій приговоръ, къ которому и подписуемся. Слѣдуютъ подписи 166 лицъ. Приговоръ засвидѣльствованъ сельскимъ старостою.

Съ подлиннымъ вѣрно: священникъ *Николай Кумпанъ*.

Отъ Совѣта Таврическаго Епархіальнаго женскаго училища объявленіе.

При Таврическомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ имѣется вакансія учителя церковнаго пѣнія при 8-ми

недѣльных урокахъ съ обязательствомъ руководства и управления училищнымъ хоромъ во время церковныхъ службъ въ училищной церкви. Жалованья полагается 300 руб. въ годъ. Желающіе занять означенную должность благоволятъ обращаться въ Совѣтъ Таврическаго Епархіального женскаго училища.

— 415 —

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ТАВРИЧЕСКИХЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМСТЕЙ.

№ 12

15 Іюня 1888 года.

№ 12

Положеніе и значеніе женщины въ Христіанствѣ вообще и въ Духовномъ званіи въ частности.*)

Ваше Преосвященство,

М.м. Г.г. и М—я Г—ни!

Отъ человѣка, выступающаго съ словомъ своимъ предъ почтеннымъ собраніемъ публики, требуется обыкновенно, чтобы онъ бралъ предметомъ своего слова такія идеи, выражалъ въ немъ такія чувства, которыя имѣли бы общее значеніе и представляли бы интересъ для каждаго слушателя. Всецѣло признавая важность такого требованія, основаннаго на психологическомъ законѣ возбужденія вниманія, я поставилъ для настоящей бесѣды моей вышеуказанное заглавіе и постараюсь посильно выполнить его въ этомъ слабомъ словѣ моемъ; но прошу позволенія начать

*) Произнесено на торжественномъ Актѣ въ Тавр. Епарх. женскомъ Училищѣ 13 Іюня 1888 г.

это мое слово выраженіемъ личныхъ моихъ чувствъ и впечатлѣній, и имѣю смѣлость надѣяться, что ихъ раздѣлите со мною и Вы, М.м. Г.г. и М—я Г—ни!

Въ теченіе моей носильной службы на поприщѣ просвѣщенія юношества обоого пола, одиннадцать разъ пришлось мнѣ въ краю отсюда отдаленномъ и вотъ уже второй разъ на этомъ самомъ мѣстѣ приходится мнѣ присутствовать, въ числѣ другихъ, при торжествѣ выпуска въ жизнь дорогихъ моему сердцу путницъ, при снаряженіи которыхъ въ эту дальнюю и таинственную жизненную дорогу положена была капля и моего труда, ничтожнаго, мож. быть, по размѣрамъ, но искренняго и теплаго по существу своему; ибо, на ряду со всеми тружениками и труженицами на этой благодатной и многотрудной нивѣ, полагаю и я въ трудъ этотъ все силы души своей. И каждый разъ, духовно сливаясь съ настроеніемъ ихъ, этихъ дорогихъ путницъ, въ этотъ торжественный день ихъ выпуска, незабвенный для нихъ, глядя на нихъ съ свѣтлыми молитвенно-сердечными благожеланіями, я вижу и чувствую, какъ однѣ и тѣ же по существу, хотя и разнообразныя въ деталяхъ своихъ, картины возстаютъ и выдвигаются въ душѣ моей, всецѣло занятой, какъ и у каждаго, кто взглянетъ на нихъ сегодня — ихъ судьбою.

Учебное заведеніе, созданное для нихъ заботливой волею царственною и средствами общества, возлагающаго на нихъ надежды свои, заведеніе, пріютившее ихъ съ самаго нѣжнаго дѣтства, воспитавшее ихъ до возраста крѣпости,

любившее ихъ святой любовью, представляется мнѣ тихой пристанью, въ которой цѣлыя шесть лѣтъ эти путницы жизни, словно птенцы въ тихомъ гнѣздынкѣ, были укрыты отъ бурь и невзгодъ, почти совсѣмъ не зная и не слыша, какъ за стѣнами этой пристани реветъ и бушуетъ море житейское. Цѣлыя шесть или семь лѣтъ подл мирною кровлей этой пристани происходило снаряженіе въ жизненный путь этихъ юныхъ существъ, врученныхъ учебно-воспитательному заведенію, волею Бога, Царя и Отечества. Въ сокровищницы душъ ихъ заботливо влагалось все, что нужно и полезно для нихъ. Отовсюду съ любовью собиралось для нихъ все, что, по Апостолу, есть истинно, что честно, что премудро, что прелюбезно, что доброхвально. И все это полагалось въ душахъ ихъ съ материнской любовью, съ отеческой осмотрительностью, укрывалось тамъ и укреплялось, дабы силы злонныя, эти тати и разбойники на жизненной дорогѣ, не выкрали изъ сердца ихъ этихъ дорогихъ сокровищъ!

И вотъ, настала день отплытія. Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ (великое слово!) стояли онѣ сегодня, въ качествѣ воспитанницъ, въ этомъ храмѣ Божіемъ, освящаемъ благодатію ихъ жилия и учебныя храмины, стояли вмѣстѣ съ нами, вмѣстѣ съ тѣми, кто такъ брѣшко любилъ ихъ, кто такъ сердечно и благожелательно снаряжалъ ихъ въ путь житейскій — стояли и молились. И кончилась теперь эта совѣстная молитва наша, какъ все кончается въ мирѣ. Еще нѣсколько времени — и пробьетъ послѣдній звукъ дрошальнаго часа. И оттолкнутся отъ

нашего берега и отплывутъ отъ насъ эти, такъ сроднившіяся съ нами путницы наши, и начнется для всѣхъ ихъ вообще и для каждой въ частности цѣложизненная борьба съ волнующею стихіей жизни при самыхъ разнообразныхъ средствахъ, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. И всё то онѣ одинаково мало знакомы съ борьбою этой; и для всѣхъ то для нихъ пути этого моря, стремнины его, одинаково неизвѣстны...

Посмотрите, какъ плавно, горделиво понесутся нѣкоторые изъ нихъ по тихой лазури этого моря! Какъ ярко прорѣжется надъ ними сквозь житейскія тучи лучъ земного счастья! Какъ разсыплется и заиграетъ онъ вокругъ нихъ золотистыми блестками жизненныхъ удовольствій и радостей!... Добрый путь, добрый путь вамъ, дорогія дѣти наши, наши любезныя путницы! Дай Богъ, чтобы этотъ лучъ обманчивый не смѣнился надъ вами никогда мрачной тучею! Дай Богъ, чтобы эти искорки счастья земного не исчезли такъ же внезапно, какъ и появляются онѣ вокругъ человѣка!... А вонъ и другія многія... Боже, какъ вѣтры противны угрожаютъ имъ! Какъ потемнѣло вокругъ нихъ синее море! Какъ волны житейскія, устремляясь на нихъ, такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ!... И мы не можемъ уже подать имъ помощи; уже оторвались, отдѣлились отъ сердца нашего эти борющіяся тамъ существа и не услышать уже они нашего голоса... О, позвольте, Ваше Преосвященство, вознести вслѣдъ имъ, то молитвенное слово, которое изъ устъ Вашихъ возносится надъ всѣми нами, въ этомъ мори врѣющемъ носимыми: Призри съ небесе,

Боже, и виждь; и посѣти младый виноградъ сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя! Бога, Бога призовите на пути своемъ, дѣти наши, и вы увидите, какъ улягутся къ ногамъ вашимъ волны морскія!

Другая картина. Степь невѣдомая и неоглядная разстилается во всѣ стороны... И знаемъ мы, что имѣетъ она конецъ и предѣлы; но мгlistый воздухъ перспективы будущаго закрываетъ отъ насъ этотъ конецъ и предѣлы ея, и безусловно неизвѣстно намъ, каковы они. И разбѣгаются по этой степи во всѣ стороны все тропинки и тропинки, пробитыя людскими ногами, извиваясь и пересѣкая одна другую, и каждая, невѣдомо ни для кого, кромѣ Бога, теряясь въ этой, покрытой мглою, перспективѣ будущаго. И степь эта — все та же, мѣняющая формы свои, жизнь земная... И идутъ по тѣмъ тропочкамъ невѣдомымъ все онѣ же, все эти путницы наши... И видируются имъ въ той дали туманной, по мѣстамъ, приготовленные для нихъ палаты пышныя, убранныя, а по мѣстамъ, и въ большемъ, пожалуй, количествѣ, скромненькія хижинки... Дѣти наши милыя! Не радуйтесь много и не гордитесь тѣ, кто будетъ пировать свою жизнь въ тѣхъ хоромахъ богатыхъ; не печальтесь и не отчаявайтесь и тѣ, кому придется нести скромную долю въ тѣхъ смиренныхъ хижинахъ!... Знайте и помните, что безъ свѣта Божія въ сердцѣ темно человѣку и въ пышныхъ палатахъ, а при этомъ свѣтѣ — райская радость и въ убогой хижинѣ... Боже Всемогущій! Пошли же всеѣмъ имъ, всеѣмъ до единой, путь миренъ и углаженъ! Заповѣждь Ангеломъ своимъ сохранить ихъ на всѣхъ путехъ ихъ; на рукахъ взяти

ихъ, да не преткнуть о камень въ пустынь житейской и ногоу свою!

Вотъ, м.м. Г.г. и Г+ви, тѣ впечатлѣнія и чувства, какия испытываются въ этотъ день прощальный при видѣ этой группы молодыхъ жизней, расцвѣтшихъ на крукахъ нашихъ, подъ мирнымъ кровомъ ополитвы и ученья. А при этихъ впечатлѣнiяхъ сама собою ставляется скеланiе сегодня именно сказать имъ хотитъ въ короткомъ видѣ изаключенiе того, что говорилось имъ здѣсь цѣлыя годы. Является даже потребность и необходимость, говоря имъ отъ лица школы «последнее прости», же коротко указать имъ тѣ житейскiя задачи и цѣли, исполненiе которыхъ желали бы мы видѣть въ нихъ, общимъ совокупнымъ же-ланиемъ нашимъ. Что же скажемъ имъ отъ лица школы?

Правда, задача человека, который, по движению сердца своего, принялъ бы на себя трудъ указать дѣвушкамъ, выступающей изъ школы въ жизнь, различные пути ея жизненной дѣятельности, въ настоящее время представляется уже не столь сложною, какъ это было недавно прежде. Самое горячее время пресловутаго такъ называемаго женскаго вопроса — слава Богу — миновало у насъ. Замолили эти устные и печатные вопли, толкавшiе женщину на всѣ пути и халуги мужской дѣятельности, забывая въ этомъ случаѣ даже законы физической и нравственной невозможности для нея многого, что возможно мужчинамъ. Эти вопли, этотъ горячечный бредъ эпохи, стремившейся для какиихъ то недобрыхъ цѣлей вырвать женщину изъ

всѣхъ святыхъ и завітныхъ уголковъ дѣятельности, Богомъ ей заповѣданной, а потому и вполне сообразной физическому и духовному существу ея—сдѣлали свое дѣло. И хотя это дѣло, какъ все, что не отъ Бога, ознаменовалось гибелью для многихъ женщинъ, однако все же это время прошло и не безъ пользы для самой женщины. Выработался оригинальнѣйшій и печальнѣйшій типъ какого-то исключительнаго, неопредѣленнаго существа, которое видѣли мы лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ въ странныхъ, грязныхъ, полумужскихъ костюмахъ, съ дикими отталкивающими манерами и приемами, съ нагло-кичливымъ quasi-интеллигентнымъ видомъ, и съ грустнымъ, непреложнымъ сознаниемъ того, что оно все-таки—женщина, только отрекшаяся отъ всѣхъ симпатичнѣйшихъ, дивно-прекрасныхъ чертъ своихъ, которыя въ сложности и совокупности своей, въ неувимой и высокой красотѣ своей, называются женственностью и выражаются отчасти въ женской скромности, непорочности, открытости женскаго сердца всему доброму, прекрасному, благородному... И увидѣвши типъ этотъ странный, сама женщина, особенно русская, православная, хранимая Богомъ и природнымъ чувствомъ своимъ, съ ужасомъ отвернулась отъ возможности подражать ему.

Тѣмъ не менѣе и теперь еще только люди вполне покорные голосу Бога и здраваго разума вполне же и неуклонно могутъ мыслить женщину на прямихъ и естественныхъ путяхъ ея житейской дѣятельности. Остальное, такъ называемое, передовое человечество, будучи втайнѣ глубоко убѣждено, что не ростутъ на терни грозды и смовы на репи (Мѡ. VII, 16), досель, однако, не прочь

еще отъ мысли, хотя бы изъ опасенія упрека въ отсталости, предлагать женщинѣ и ножъ хирурга, и кресло прокурора, и хлопотливую контору биржевого нотариуса. И приходится, слѣдовательно, женщинѣ еще доселѣ, выходя изъ школы, въ эпоху юности, въ эпоху наибольшей, хотя и ошибочной еще, увѣренности человѣка въ своихъ силахъ, заслушаться этихъ quasi-благожелательныхъ ей толковъ и остановиться въ раздумьи надъ тѣмъ, куда же понести ей юныя, богатая, прекрасныя силы свои?

Какой же путь жизни должна указать женщинѣ школа, съ любовью ведшая ее путемъ учебнаго поприща? Особенно — что должна сказать, какой послѣдній завѣтъ должна выразить своимъ питомицамъ школа наша, школа сословная, духовная, на средства церкви, а слѣдовательно и для блага церкви ихъ воспитывавшая? Какое направленіе принять имъ, на морѣ житейскомъ? Гдѣ компасъ, который неуклонно уважаетъ имъ страну ихъ счастья, т. е., говоря обыкновенно — на какомъ поприщѣ наибольше могутъ онѣ осуществить тотъ идеалъ, какой начертывался въ нихъ совмѣстными усиліями всѣхъ средствъ и стараний, сосредоточенныхъ для нихъ въ ихъ школѣ?

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что каждый предметъ или явленіе въ мѣрѣ изслѣдуется глубже и всестороннѣе, характеризуется живѣе и яснѣе лишь тогда, когда сопоставимъ его съ предметами и явленіями противоположными и прослѣдимъ вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣненія изслѣдуемаго предмета на различныхъ ступеняхъ и въ различныхъ формахъ его историческаго существованія; а потому для выяс-

ненія надлежащихъ областей дѣятельности женщины въ Христіанствѣ необходимо было бы прослѣдить исторію положенія женщины въ Христіанства, подъ религіями древне и новоязыческими или и въ Христіанствѣ, но только въ эпохи неправильнаго его пониманія, какъ было это, напр., въ средніе вѣка, или при ослабленіи его духа, какъ замѣчается это въ современныхъ обществахъ міра. Но крайне недостаточное количество времени, имѣющееся въ распоряженіи нашемъ, вполне лишаетъ насъ этой возможности. А потому постараемся, опустивши многое, ограничиться краткимъ только указаніемъ существенныхъ чертъ этой отрицательной стороны дѣла, и обратимъ умственный взоръ нашъ туда, куда старались мы въ теченіи всего учебнаго поприща нашихъ питомцевъ обратить ихъ умственные взоры — на идеалы Христіанскіе.

Идея полнаго равенства между женою и мужемъ, созданными отъ единой плоти и бывшими въ плоть едину, идея равенства, наблюдаемая нами въ первоизданномъ Эдеи, уничтожается тотчасъ же, какъ уничтожилось первоизданно невинное состояніе человѣка. Нарушеніе нравственной гармоніи не только въ жизни человѣка, а даже въ жизни всей природы одушевленной, должно было сказаться и неминуемо сказалось въ ту же минуту, какъ только человѣкъ подѣ влияніемъ духа тьмы и своего самоволія вызвалъ къ дѣятельности зло, дотоѣ не появлявшееся въ мірѣ; и однимъ изъ величайшихъ, повсюдныхъ проявленій этого зла неминуемо явилось, между прочимъ, преобладаніе въ мірѣ грубой, не сдерживаемой болѣе нравственными началами силы. И вотъ, уже почти въ первый моментъ

послѣ раскрытія преступленія слабѣйшее изъ двухъ равно согрѣшившихъ существъ, женщина, слышитъ изъ устъ Творца тягостный приговоръ о томъ, что къ мужу будетъ отнынѣ обращеніе ея, и той ею обладати будетъ... Въ этихъ сжатыхъ и краткихъ, но всеобъемлющихъ словахъ Всемогущаго слышится сокращенное изложеніе всей предыдущей и послѣдующей исторіи положенія женщины. То есть: Доселѣ женщина не была въ обладаніи мужа. Будучи воплощеніемъ всѣхъ высочайшихъ нравственныхъ и умственныхъ совершенствъ, рѣшительно исключавшихъ въ немъ проявленіе низшихъ и грубыхъ попозновеній его природы, мужчина видѣлъ доселѣ въ женщинѣ лишь плоть отъ плоти своей и кость отъ костей своихъ; а при полномъ владычествѣ въ нихъ обоихъ духа надъ этой плотію и костями, онъ и сливался съ женой своею въ полномъ, идеальнѣйшемъ равенствѣ и восполненіи съ обѣихъ сторонъ чувствъ, желаній и помышленій. Теперь же, въ будущемъ, падшемъ его состояніи должны будутъ воспрянуть въ немъ всѣ возможности зла, какія таились дотолѣ въ его богатой и могучей природѣ, будучи порабощены добру, т. е. его духу — отраженію Творца своего. А потому и положеніе женщины, существа неизмѣримо менѣе сильнаго и могучаго въ смыслѣ грубо физическомъ, должно было быть теперь постольку унижено или возвышено, поскольку падшій мужчина своими естественными силами будетъ сохранять или терять свое человѣческое достоинство. И дѣйствительно, по всей послѣдующей исторіи человѣчества, до самой послѣдней минуты нашего времени, не смотря на всѣ возгласы о равенствѣ женщины съ

мужиною на всѣхъ поприщахъ жизни, мы видимъ и наблюдаемъ всетаки, что женщина въ ея естественномъ состояніи и въ естественномъ состояніи человѣчества, имѣя около себя, въ лицѣ мужчины, существо, пожалуй, равное ей по духу, но неизмѣримо выгоднѣе ея поставленное по физической структурѣ, обречена испытывать на себѣ или силу сосуществующаго ей человѣка, поскольку онъ человекъ, или силу животнаго, поскольку онъ оживотнится. И вся исторія человѣчества, слѣдующаго въ своей жизни естественнымъ своимъ законамъ, ясно и непрерывно свидѣтельствуешь намъ, что возвышеніе женщины или униженіе ея идутъ въ прямой пропорціи и параллельности съ возвышеніемъ или паденіемъ жизни духа въ мужскомъ элементѣ извѣстнаго общества, государства, сословія, даже семейства. На страницахъ исторіи человѣчества то слышатся глухіе стоны женщины рабы въ грубомъ полуисторическомъ язычествѣ, гдѣ она, подавленная животною силою мужа, низводится совершенно до степени положенія женской особи въ животномъ мірѣ; то видимъ неопредѣленное положеніе ея, напр., въ Греціи, гдѣ она является и воспѣтою въ твореніяхъ Гомера на поприщѣ семейственности и истязуемою въ суровой школѣ Спарты, гдѣ, въ видахъ уравненія ея съ мужчиною, заставляютъ ее отказаться отъ всякой женственности, подвергая ее на ряду съ юношами грубымъ и безстыднымъ публичнымъ истязаніямъ испытаніямъ физической ея выносливости. То является она виѣ всякаго гражданственнаго значенія въ Римѣ, обойденная государственными законами, содержащая исключительно какъ раздательница будущихъ членовъ *Senati Populique*

Romani,*) и непричастная тоже никакой духовной жизни; то совсѣмъ утихаетъ, до неслышности и незамѣтности всякій звукъ, всякій признакъ ея существованія подъ гнуснѣйшимъ гнетомъ ислама, гдѣ даже догматъ о ея духовности, о ея загробномъ существованіи ставится въ зависимость отъ ея угодности мужу въ грубо и гнусно чувственномъ отношеніи. То видимъ мы ее, далѣе, царицею, даже чѣмъ то въ родѣ покланяемаго божества на рыцарскихъ турнирахъ, а за кулисами этихъ турнировъ, въ феодалныхъ замкахъ, видимъ еще болѣе, пожалуй, грубое, чѣмъ въ магометанствѣ, порабощеніе ея тою же чувственностью и грубою силой мужа, или слышимъ нечеловѣческіе вопли ея на кострахъ, гдѣ горитъ она, какъ источникъ зла, какъ волшебница, какъ орудіе діавола.... То наконецъ, какъ видѣли мы уже выше, въ наше время, видимъ повсюдныя обѣщанія и требованія ей полной свободы и равенства съ мужчиной, но подъ условіемъ полного же забвенія ею своей женственности, отказа ея отъ всѣхъ свойствъ, составляющихъ и ея, и человѣческое счастье. Поистинѣ — грустныя картины и лучше обойти ихъ для изображенія положительной стороны дѣла!

Во то время какъ языческій міръ, подвергая женщину полному униженію, въ силу преобладающаго значенія въ немъ физической силы и внѣшней доблести, изнемогалъ и издыхалъ и самъ подъ тяжестью разочарованія и въ ма-

*) Знаемъ и исключенія, обусловливавшіяся вспышками, такъ сказать, духовной стороны римскаго общества въ отношеніи взглядовъ на женщину; но говоримъ про общее положеніе дѣла.

терьяльномъ своемъ могуществѣ, и въ своихъ умствен-
ныхъ изысканіяхъ, — въ скромномъ уголкѣ земли Іудей-
ской, въ Галилеѣ, раздался кроткій и любвеобильный, но
потрясающій землю Божественный голосъ: *Придите ко
Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою
вы!* Этотъ голосъ шелъ прежде всего къ сердцу человѣка,
и не отличалъ оиъ, этотъ Божественный голосъ, въ свя-
томъ призывѣ своемъ ни пола, ни возраста, ни состоянія.
Божественныя уста, его произносившія, стремились объеди-
нить все человѣчество въ единомъ званіи чады Отца Не-
беснаго, такъ чтобы въ духѣ и истинѣ, принесенныхъ
Богочеловѣкомъ съ неба на землю, не стало мужескаго
пола, ни женскаго, но всяческая и во всѣхъ Христосъ. Нача-
лось возведеніе обоихъ половъ человѣчества на первое блажен-
ство, въ равноправное, то есть, наслѣдіе царствія — въ совер-
шенство первобытное. И вотъ, среди громадной массы обре-
мененныхъ и труждающихся подъ гнетомъ матеріальной си-
лы древняго міра, откликнулась сердцемъ своимъ на при-
зывъ милосердый и женщина, наиболѣе труждавшаяся и
обремененная. Она пала къ ногамъ Богочеловѣка слышати
слово Его. И дивное чудо, исторически міровое чудо со-
вершилось. Можно сказать, что въ первый разъ со вре-
мени паденія, именно здѣсь, въ Галилеѣ, совершилось воз-
веденіе женщины на степень не только духовнаго равен-
ства съ мужчиной, а даже и превышенія его въ области
сердечнаго воспріятія животворящей силы новаго, Боже-
ственного слова. Ибо только изъ устъ Богочеловѣка услы-
шалъ міръ глаголы, ведущіе человѣка къ обоженію и
одухотворенію; а лишь только началось это одухотвореніе,

какъ начинается и небывалое никогда возвышеніе личности женщины. Ни одинъ мудрецъ, ни одинъ законодатель древняго міра не додумался до мысли ввести женщину въ кругъ духовныхъ интересовъ бытія челоѣка. Любой Солонъ презрительно пожалъ бы плечами, еслибы ему предложили учредить заведенія для умственнаго развитія женщины; любой Сократъ или Аристотель отвернулся бы, еслибы ему заявили о необходимости философскихъ познаній для женщины. Только въ Галилеѣ, около Христа, мы видимъ женщину, призванную къ глаголамъ живота совершенно наравнѣ съ мужчиною. Тамъ, въ домѣ Лазаря, видимъ мы Марію, сѣдшую при ногу Иисусову — слышати слово Его; тамъ, у самарійскаго колодца, мы слышимъ разъясненіе женщинѣ такихъ истинъ о свойствахъ Бога-духа и о поклоненіи Ему духомъ, въ какихъ терялся и недоумѣвалъ самъ Никодимъ, учитель израилевъ... И все это совершается только потому, что глаголы Христовы представляютъ собою небывалое дотолѣ поднятіе духа челоѣка. Иже воззрѣть на жену съ отѣнкомъ земной, плотской, нечистой мысли о ней, тотъ уже осужденъ Христомъ, уже извергся изъ Его духовнаго царства и низринулся во область тьмы и плоти. Такой дивной сверхчелоѣческой заповѣди и не представляло себѣ дотолѣ поработненное плоти челоѣчество. Зато и женщина глубоко, сердечно, искренно поняла и почувствовала это свое возвышеніе и отплатила за это самоотверженною, истинно мужественною преданностью своему Освободителю. Въ то время какъ мужчины, будучи не въ состояніи разсудочно совмѣстить величіе Мессіи-Бога съ Его крестнымъ

человѣческимъ безславіемъ, всѣ разбѣжались, кромѣ одного, Іоанна, наиболѣе сердечнаго изъ нихъ, всѣ оставили Его въ минуты Его лютейшей скорби — жены послѣдоваху Ему отъ Галилеи, зряще сихъ и въ сердечно женственномъ горюизмѣ своемъ не боясь, подобно мужчинамъ, юридическихъ преслѣдованій за сочувствіе къ осужденному; жены сѣдяху и прямо гроба, въ которомъ умоляли, повидимому на вѣки, тѣ Уста, которые впервые за пять съ половиною тысячъ лѣтъ призвали и ихъ къ участию въ высочайшихъ духовныхъ радостяхъ бытія человѣка...

Такъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ до Богоподобія духа человѣка въ христіанствѣ, возвысилась въ духовныхъ своихъ качествахъ и личность женская. О, какъ же свято должна хранить въ себѣ женщина эти святыя начала христіанства, единственный источникъ и обезпеченіе ея личнаго и общественнаго возвышенія; и какъ жалки тѣ женщины, которыя, увлекаясь духомъ времени, отрекаются отъ святыхъ началъ этихъ и бросаются въ бездну невѣрія, на льстивый зовъ міра! Вѣдь подъ этими громкими трескучими фразами объ эмансипаціи женщины отъ всѣхъ святыхъ узъ, которыми связуетъ человѣка религія Христова, скрываются довольно низменныя поползновенія современнаго реализовавшагося, попросту — оживотнившагося либерализма...

Прошу извиненія за отступленіе это.

Итакъ, только въ Христіанствѣ, въ царствѣ духа, женщина обрѣтаетъ себѣ и защиту и возвышеніе. Тѣмъ не менѣе, не смотря на полное возстановленіе равноправности духовнаго общенія женщины съ мужчиною въ дѣлѣ вос-

пріятія Христіанскихъ истинъ, мы не видимъ въ ученіи Христовомъ прямого указанія женщинѣ какихъ либо не свойственныхъ ей областей мужской дѣятельности. Христіанство тѣмъ болѣе и является во всемъ безконечномъ своемъ величіи, что объемлетъ собою и духовную и физическую стороны человѣка и сливаетъ ихъ въ небесной гармоніи. И въ то время когда другія ученія бросаютъ женщину изъ крайности въ крайность, то возлагаютъ на нее мужскія обязанности, и стремясь лишить ее идеальныхъ качествъ ея пола, то исключительно останавливаясь на этихъ ея качествахъ и тѣмъ повергая ее часто въ униженіе передъ мужчиной — Христіанство, признавая въ женщинѣ полного человѣка, ни на іоту не отличающагося отъ мужчины въ благодатныхъ правахъ на званіе храма Духа Божія, ни на іоту же не упускаетъ изъ виду и того обстоятельства, что женщина есть человѣкъ иного пола, чѣмъ мужчина, и что, въ силу этихъ естественныхъ своихъ особенностей, она должна имѣть свое особенное значеніе, не одинаковое съ мужчиной. И это значеніе и назначеніе ея, по взгляду Христіанства, не только не служитъ къ ея униженію, а даже, можетъ быть, возвышаетъ ее надъ мужчиной; ибо отъ этихъ дѣятельностей ея въ области ея индивидуальныхъ, недоступныхъ для мужчины поприщъ зависитъ, какъ увидимъ, счастье и самого мужчины. Поэтому, возстановивши до ангелоподобія общечеловѣческія права и достоинства женщины, Христіанство установило въ истинномъ свѣтѣ и мѣстѣ ея права и достоинства какъ женщины. Въ силу этого въ Христіанствѣ мы видимъ женщину на слѣдующихъ поприщахъ дѣятельности.

Мы видимъ здѣсь св. Марію Магдалину, проповѣдующую слово Божіе въ Римѣ; далеко позади мы видимъ здѣсь св. Нину, сѣющую то же сѣмя слова Божія на почвѣ дикой Грузіи; прежде, въ обществѣ св. Апостоловъ, мы видимъ рядъ діакоиссъ, раздавательницъ общественно-христіанской милостыни, служительницъ болящимъ, утѣшительницъ страждущимъ. Встрѣчаемъ, слѣдов., женщину только на наиболѣе сердечныхъ общественныхъ дѣятельностяхъ: на поприщѣ учительницы слова Божія и помощницы людямъ въ ихъ горѣ, скорбяхъ и несчастіяхъ. И болѣе ни на какихъ — или только въ рѣдчайшихъ, исключительныхъ случаяхъ на нѣкоторыхъ — мужскихъ занятіяхъ ее не встрѣчаемъ. Но и тѣ поприща, какія указали мы, не суть здѣсь ея главныя, возвышающія ее поприща. Надъ всеми святыми и великими женами Христіанками, какъ солнце надъ звѣздами, высится и препрославляется — кто? Мать, держащая Младенца на пречистыхъ и святѣйшихъ рукахъ своихъ. Она, Пречистая, стала честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ. Въ Ея личности естество женское вознесено превыше небесе небесъ и поставлено одесную престола Божія... Правда, рожденіе Ею Сына есть недомыслимое, отъ вѣка утаенное и Ангеломъ несвѣдомое таинство, егоже сказать языкъ не можетъ; однако какъ мать, носившая и питавшая, плакавшая о Сынѣ своемъ по Его челоуѣчеству, Она стала высшимъ идеаломъ, подражать которому, сознавая всю безмѣрность разстоянія между имъ и собою, составило сладкую обязанность материн Христіанки. И вотъ, мы видимъ здѣсь св. Нонну, несущую во храмъ Божій малютку сына своего. Она воз-

лагаеть его рученки на св. Евангеліе и надъ святымъ завѣтомъ Христа клянется воспитать для Бога дитя свое... И изъ подъ ея смиренной, невидной міру дѣятельности восходитъ свѣтило церкви Христовой, св. Григорій Богословъ. Мы видимъ здѣсь вдову Анеусу, молодую и прекрасную, которая отказывается отъ всѣхъ удовольствій свѣта, чтобы посвятить себя воспитанію дитяти своего; и результатомъ ея скромныхъ трудовъ является еще болѣе яркое свѣтило церкви, Іоаннъ Златоустъ. Мы видимъ здѣсь Монику, душу скорбящую, которая полагаетъ всѣ силы свои на искорененіе пороковъ сына своего. И подъ ея благодатнымъ, перерождающимъ руководствомъ, изъ испорченнаго юноши является ублажаемый въ христіанствѣ Августинъ, изложившій въ своихъ твореніяхъ сущность и высокую характеристику «Града Божія» т. е. общества Христіанскаго... Мы видимъ здѣсь многихъ и многихъ другихъ, о нихже не достанетъ ми, повѣствуя, времени, которыя отдають всю душу, всю жизнь свою, истощають всю сокровищницу прекраснѣйшихъ женственныхъ качествъ своихъ на то, чтобы освятить и прославить великое имя женщины: мать, воспитательница...

Итакъ, кто бы и что бы ни говорилъ намъ о расширеніи области дѣйствій женщины, о доставленіи ей полного, равноправнаго съ мужчиной участія въ дѣлахъ общественныхъ — да помнитъ и знаетъ женщина христіанка, что это и физически и духовно невозможно для нея; да помнитъ и знаетъ она, что главная и прямая, и высокая, и почтеннѣйшая область дѣйствій женщины, не только уравнивающая ее съ мужчиной, а и безконечно возвышающая

ее надъ нимъ, область наиболѣе освященная для нея христіанствомъ, была и будетъ материнство и воспитаніе. Допускаемъ и даже просимъ женщину, и даже всей душою, всѣ силы свои полагая, готовы помочь ей приобрѣсти себѣ всю силу и всю широту мужского образованія; но только тогда женщина будетъ достойна своего высокаго назначенія въ мірѣ, когда, усвоивши всю эту широту и всю эту силу, силу и широту мужского образованія, мужского міросозерцанія, мышленія и взглядовъ, постарается сохранить при этомъ всю неизреченную красоту души своей, и понесетъ эту душу свою нѣжную, прекрасную туда, гдѣ именно такая душа нужна: на [поприще учительницы-матери въ малолѣтнюю школу нашу, или къ постели болящаго — не съ ножомъ хирургическимъ, даже не съ рецептомъ — нѣтъ; а словомъ участія, съ свѣтлымъ своимъ ликомъ, съ вроткимъ духомъ своимъ, наиспособнѣйшимъ сливаться въ горѣ съ горемъ ближняго; или — далѣе — когда сядетъ она, какъ ангель-утѣшитель, олицетворяя собою міръ и любовь, и ласку, такъ сказать, международную, у изголовья раненаго, умирающаго на чужбинѣ воина, жертвы неизбѣжнаго зла, Христомъ предреченнаго до скончанія міра — сядетъ у изголовья этого въ тѣ горькія и страшныя минуты, когда лежащему тамъ ничего уже въ мірѣ не нужно, кромѣ сердца родного, лика свѣтлаго, слова теплаго «сестрицы милосердной»... А главнѣе и возвышеннѣе всего является женщина, когда склонится она со святою, просвѣщенною, широко образованною и проникающею въ будущее думой своей надъ постелькой младенца своего и приметъ на свои руки ласковыя первые шаги

его воспитанія и образованія. Вѣдь ни въ какомъ другомъ существѣ въ мірѣ, кромѣ существа женщины-матери, не сосредоточено столько силъ и средствъ, способныхъ облегчить для человѣка, явившагося въ мірѣ, пер- выя страшныя минуты встрѣчи его съ этимъ суровымъ, издревле во вражду ставшимъ къ нему міромъ. Никто, кро- мѣ матери не имѣетъ въ себѣ такихъ краткихъ и вмѣстѣ могучихъ силъ и средствъ заставить этотъ міръ встрѣ- тить новаго человѣка не какъ врага своего, а какъ же- ланнаго гостя. Обнаженный, беззащитный и безпомощный, словно бурю выброшенный на пустынные пески жизни, лежитъ родившійся человѣкъ, борясь съ жизнью и смертію сво- ей, и только въ лицѣ матери находитъ онъ единственное свѣтлое, милое, сладко чувствуемое пятнышко во всемъ мірѣ, еще темномъ для него и ужасномъ своими разрушающими силами. Кто можетъ нѣжнѣе матери прикоснуться къ сла- бому тѣлу новаго жильца міра? Гдѣ найдетъ онъ себѣ нишу, которая была бы такъ принаровлена къ его желудку, какъ принаровлены къ нему вещества, переработанныя именно для него въ тѣлѣ матери? Гдѣ, кромѣ объятій матери, най- детъ онъ такое живое и животворное тепло въ то время, когда самый нѣжный вѣтерокъ знобитъ его тѣло и самая воздушная ткань бороздитъ, какъ власяница нѣжную ко- жу его? Гдѣ, наконецъ, въ мірѣ услышитъ новый жилецъ его такіе звуки, которые сравнялись бы своей чарующею прелестью съ тембромъ голоса матери? Вѣдь тотъ языкъ, тѣ слова, какими говоритъ мать со своимъ дитятемъ, не повторяются нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ. Словомъ, можетъ ли надлежаще возрасти человѣкъ и бу-

детъ ли онъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова безъ вліянія доброй матери?... Вотъ гдѣ прямая и высокая дорога женщины; вотъ ея святой трудъ, вынолняя который она будетъ недосягаемо высока, и прекрасна, какъ роскошное плодовое дерево, которое и питаетъ, и укрываетъ, и согрѣваетъ... Все другое пусть возьмутъ мужчины, которые самой природою предназначены къ возможности безустаннаго, безпромежуточнаго, разнообразнаго труда, какъ существа болѣе женщины сильныя, грубыя, холодныя, выносливыя... Область женщины — повторяемъ — материнство и воспитаніе. Здѣсь — земной поклонъ ей отъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ поколѣній!...

Безъ сомнѣнія и мужчина, какъ отецъ, принимаетъ и долженъ принимать живѣйшее и заботливѣйшее участіе въ воспитаніи ребенка; но, занятый служебными обязанностями, поминутно отрываемый отъ семьи, вовлекающійся въ самый, такъ сказать, центръ сложной машины жизни, гость, такъ сказать, въ домъ своемъ, — отецъ современный имѣетъ неизмѣримо меньше возможности пристально и безустанно слѣдить за первоначальнымъ, имѣющимъ вліяніе на всю жизнь, ходомъ тѣлеснаго и духовнаго развитія дитяти, нежели сколько имѣетъ этой возможности мать, эта ближайшая, безотлучная свидѣтельница всѣхъ измѣненій дитяти, этотъ святой, зоркій, богоданный стражъ сна и бодрствованія малютки. Да и не проникнуть отцу своею отвлеченною думой въ сердечную область жизни ребенка... Поэтому отецъ принимаетъ и можетъ принять дитя на свое попеченіе только тогда, когда оно заживетъ уже болѣе сознательною жизнью, когда наступитъ для него такъ

называемый школьный возраст. А зачатки этой сознательной жизни, крѣчайшія основы ея, полагаются матерью. Ея броткое слово останавливаетъ первыя попытки дѣтскихъ заблужденій и даетъ направленіе волѣ; ея нѣжный, мелодичный голосъ, напѣвающій незабвенныя колыбельныя пѣсенки, полагаетъ зачатки эстетическаго вкуса; ея первое сердечное слово о Богѣ образуетъ основу того, что впоследствии составитъ въ члѣовѣкѣ чувство религиозное... И когда она поставитъ въ постелькѣ малютку своего, сложитъ на молитву его рученки, устремитъ къ иконѣ святой его милое личико — видишь и слышишь, какъ бы, что и два ангела-хранителя двухъ существъ этихъ стоятъ и молятся вмѣстѣ съ ними! .

Да возьмите и тотъ періодъ, когда для дитяти, будущаго члѣовѣка, начинается жизнь сознательная. И въ это время отецъ, привыкшій жить болѣе разсудкомъ, нежели сердцемъ, дѣйствуетъ болѣе на разсудокъ дитяти, стараясь сообщить ему уже болѣе или менѣе отвлеченныя и обобщенныя познанія изъ жизни и опыта. А сердце дитяти, это, по выраженію Премудраго, исходище всей жизни члѣовѣка, и теперь, и всегда въ рукахъ доброй матери. И если семью назовемъ мы первую нравственную школой для ребенка, то въ этой школѣ отецъ всегда является больше учителемъ, мать же самую сердечную воспитательницей ребенка. Отецъ — сила грозящая и связующая; мать же, женщина, призваніе которой — смягчать своей сердечностью всякую суровость земную, есть сила наиболѣе исправляющая и воспитывающая... Правда, по внѣшности, невидно, не блестяще это занятіе и званіе —

званіе и занятіе матери-воспитательницы: не слышатся при выполненіи его аплодисменты шумные; не высятся по со-вершеніи его монументы бронзовые; идетъ оно въ скром-ныхъ уголкахъ и видитъ его только Господь-Сердцевѣдецъ; но видны и блестящи, и покрываютъ славу мужскую ре-зультаты его: въ разумномъ, просвѣщенномъ и богоугод-номъ выполненіи этого званія — все счастье будущихъ поколѣній; и это счастье, по нашему мнѣнію, есть лучший, вѣковѣчный, нерукотворный памятникъ спящимъ въ землѣ сырой матерямъ этихъ поколѣній. Очень часто уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ минуты печальныхъ заблужденій че-ловѣка, возстаетъ въ глубинѣ души его, изъ далекаго, не-возвратнаго дѣтства, тихій образъ, образъ матери, умоля-щій и плачущій, и, словно Ангелъ Божій, останавливаетъ руку, протянувшуюся къ худому!...

И нѣтъ же ничего выше и привлекательнѣе этого образа, симпатичнаго образа матери! И нѣтъ же ничего возвышеннѣе тѣхъ думъ, какія думаетъ просвѣщенная мать-христіанка надъ ложемъ младенца своего!... Въ то время какъ отецъ, утомленный суетами жизненными, огор-ченный и озлобленный столкновениями служебными, крѣпко спитъ, запасаясь новою силой для борьбы житейской, она одна въ глубокой тишинѣ ночи, по первому неровному вздоху малютки уже спѣшитъ къ его младен-ческому ложу и кормитъ, и лелѣетъ дитя, и орошаетъ матерней слезою, словно росой небесною, его закрытыя очи... Крестнымъ знамениемъ отгоняетъ она грезу неспо-койную, испугавшую дитя... Боже, какимъ ангеломъ-хра-нителемъ смотреть она въ это время!

Чуть ребенокъ, среди ночи,
Сонный шевельнется, —
Какъ она уже и вскочить,
Птицей встрепенется!
Перекрестить, поцѣлуетъ,
Тихо заколышетъ...
Спать, сердечная, а чуть,
Какъ младенецъ дышетъ!

Такъ сказалъ поэтъ, рисуя чувства матери.*)

Зато ей первой выпадаетъ на долю сладчайшее счастье видѣть обращенную именно къ ней первую улыбку невиннаго младенца, послѣ долгихъ, неизбѣжныхъ и ничѣмъ неотвратимыхъ слезъ его; ей первой приходится услышать свое священное, на всѣхъ почти языкахъ одинаковое имя «мамэ», произносимое чистымъ, незлобивымъ, не научившимся еще лѣстить языкомъ дитяти; къ ней, какъ вѣточки къ солнцу, тянутся миловидныя рученки; ей одной больше всего широко и довѣрчиво смѣются милые глазки-незабудочки, и часто, пугливо отворачиваясь отъ рѣже видимаго отца, дитя прижимается къ знакомому и милому лицу матери!.. О, какое свѣтлое, райское счастье!

Дай же вамъ Богъ, дорогія питомицы наши, съ честью и пользою, и славою даже, пройти всякое поприще, какое пошлетъ Онъ вамъ для счастья и славы земли родной; но болѣе всего дай Богъ вамъ быть богобоязненными и разумными матерями. И да сохранить васъ всѣхъ до единой въ жизни вашей Мати рода Христіанскаго, усно-

*) Шевченко. Вольный переводъ изъ поэмы «Наймичка.»

вившая всѣхъ насъ при крестѣ сына своего и воспитывающая всѣхъ насъ своимъ матернимъ покровомъ!

Но тѣми указаніями высочайшей дѣятельности женщины, какія сдѣлали мы выше, далеко не исчерпывается еще вся область того добра, какое призвана совершить женщина въ христіанствѣ, далеко не указывается еще вся полнота и благотворность ея призванія. Материнское поприще женщины только освящено христіанствомъ, но не создано и не установлено имъ. Материнство есть слишкомъ общая черта женщины, поражающая наблюдателя глубиною своей врожденности въ сердцѣ женщины во всѣхъ мѣстахъ міра, гдѣ только встрѣчается мать, родившая дитя свое. И внѣ христіанства, гдѣ материнство, какъ и всѣ отношенія человѣка, одухотворено, освящено и возвышено, мы всюду встрѣчаемъ мать, которая, хотя и не въ состояніи привести дитя свое къ тому свѣту, къ какому приводитъ его мать-христіанка, руководимая благодатію Божіею, однако проявляетъ къ нему ту же самую, паче смерти крѣпкую и какъ смерть неотразимую привязанность. И не только внѣ христіанства, даже внѣ человѣчества, въ неразумномъ мірѣ, среди сравнительно высшихъ созданій Божіихъ мы встрѣчаемъ, хотя не цѣложизненную, какъ въ человѣкѣ, но такую губокую материнскую привязанность, которая издревле поражала всякую способную чувствовать душу своей невыразимой трогательностью. «Птица, безперымъ птенцамъ промышляючи корму, ищетъ и носить во рту, и что горько самой --- забываетъ.» Такъ сказалъ о матернемъ сердцѣ неразумной твари Гомеръ,

пѣвецъ глубочайшей, сѣдой древности. Такъ всеобща во всемъ живомъ и чувствующежъ мѣрѣ любовь материнская.

Есть другое положеніе женщины, созданное и установленное для нея только христіанствомъ и для христіанства, и никакой другою религіей, никакимъ другимъ ученіемъ не провозвѣщавшееся. Благословивши и освятивши женщину какъ мать, христіанство еще болѣе возвысило женщину тѣмъ, что сдѣлало ее, вопреки всѣмъ религіознымъ и философскимъ школамъ міра, единой женою единого мужа. Роковая ошибка, совершенная въ Эдемѣ женщиною согрѣшившею, должна была, по взгляду христіанства, быть исправлена до возможной степени женщиною воспрянувшею и возвысившеюся чрезъ Христа, чрезъ воды крещенія. Лишивши человѣчество райскаго блаженства въ завѣтъ ветхомъ, женщина призвана снова создать человѣку этотъ рай въ завѣтъ новомъ. И этимъ раемъ, этимъ новымъ Эдемомъ на землѣ явилась въ христіанствѣ добрая семья, отразившая въ себѣ только одной, помимо прочаго, все величіе и высоту этой религіи, а вмѣстѣ въ одномъ только этомъ пунктѣ и возвысившая женщину до предѣла ея земной высоты, недоступной для нея нигдѣ и ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ. Ничто такъ не унижало и не унижаетъ женщину въ христіанства, какъ многоженство. Между тѣмъ какъ христіанинъ, по смыслу своего званія, есть единый мужъ единыхъ жены, духовно неразрываемый съ нею даже смертію. Горе ему, если онъ по смерти жены забудетъ эту подругу свою, Господомъ данную, Господомъ и взятую! Второбрачіе есть по взгляду Христовой церкви лишь уступка обстоятельствамъ или снисхожде-

ніе къ немощи; второбрачный, а тѣмъ болѣе третьобрачный въ христіанствѣ есть грѣшникъ, подлежащій эпитиміи церковной. Повторяемъ, что ни одна религія, ни одна философская система въ мірѣ не могла додуматься до заповѣданія человѣку такой святости, такой крѣпкости, такой духовности отношеній къ женщинѣ. И вотъ создалась на землѣ среди великой церкви Христовой малая Божія церковь, семья христіанская, душою которой является женщина. Здѣсь такъ же, какъ въ Эдемѣ, нѣтъ зла и обмана; сюда не внидетъ, не прикоснется ничтоже скверно; здѣсь святится мужъ, даже невѣренъ, о женѣ вѣрной и наоборотъ — жена о мужѣ; здѣсь малое общество вѣрующихъ; здѣсь два только, но Христосъ посреде ихъ, ибо у нихъ едино сердце и душа едина о Господѣ; здѣсь двое въ одной плоти и въ одномъ духѣ; здѣсь дѣтки-ангелы, охраняемые физически и духовно отцомъ и матерью, и въ свою очередь охраняющіе и ихъ своимъ чистымъ присутствіемъ отъ всякихъ нечистыхъ не только разговоровъ, а даже, можно сказать, и помысловъ. Здѣсь сообща молятся, взаимно учатъ, поддерживаютъ другъ друга. Вмѣстѣ они во храмѣ Божіемъ, вмѣстѣ и въ дому своемъ, за тихой трапезою; рука-объ-руку они въ бѣдствіяхъ, другъ друга безъ тѣни злорадства или обмана утѣшая; рука-объ-руку они и въ радостяхъ, другъ друга безъ лести и зависти поздравляя; ничего не утаивая другъ отъ друга, никогда не покидая другъ друга. Въ юности — вѣнчанные побѣдители тѣла, раздѣлители естественныхъ, законно обузданныхъ, облагороженныхъ и таинственно одухотворенныхъ увлеченій и порывовъ; въ зрѣлости — совѣстные тру-

женики, каждый въ своей браздѣ, на нивѣ человѣческаго благополучія; въ старости — идеальнѣйшіе друзья, не могущіе и представить себѣ раздѣльнаго существованія, древа укореившіяся, окруженныя новосаженіями, простершія до рѣкъ вѣтви свои и даже до моря отрасли свои — вотъ христіане-супруги, единственные супруги среди миллиардовъ разнообразныхъ супружествъ во всемъ мірѣ, во всѣхъ обществахъ. Пусть похвалится хоть гдѣ нибудь такимъ внутреннимъ постоянствомъ такъ называемый гражданскій бракъ, измышленный разумѣется мужчиною, а не женщиною; измышленный и снабженный благовиднымъ терминомъ единственно для прикрытія безпутства материализованной мужской души, снова стремящейся унижить и обезличить женщину, а главное — требующей разнообразія въ служеніи страстямъ своимъ! Гдѣ же найти намъ, кромѣ семьи христіанской, такое подобіе рая на землѣ? И какъ счастливо то заведеніе учебное, питомицы котораго выйдутъ въ жизнь со способностями къ созиданію и устроенію на землѣ этого тихаго семейственнаго счастья. Постарайтесь же, дорогія питомицы наши, кому Богъ судить это, создать семью, достойную этого названія по взгляду и смыслу христіанства!

Если же вышесказанное примѣняемъ мы къ доброй семьѣ вообще, во всякомъ званіи, то тѣмъ болѣе, и конечно болѣе, можно примѣнить это къ семьѣ, для созиданія которой, можно сказать, уже частнѣйше, специально призывались и воспитывались вы, воспитанницы церкви и духовенства — къ семьѣ священника, пастыря стада Христова. Въ этой семьѣ, если только войдетъ въ

нее жена добрая, вѣнецъ, по Соломону, для мужа своего, неизбѣжно, обязательно, преимущественно долженъ осуществиться тотъ идеаль семьи, который начертали мы выше. А къ созиданію этой именно семьи и готовились, повторяемъ, вы, дочери сословія духовнаго; каждая лепта, употребленная на воспитаніе ваше, каждый камень, положенный въ стѣны этого зданія, употреблены и положены именно съ этой цѣлю. Мысль объ этомъ видится, такъ сказать, въ яркомъ пламени каждой свѣчи предыконной, дающей средства для вашего воспитанія. Вотъ ваше частнѣйшее и специальное назначеніе; вотъ частнѣйшее и послѣднее указаніе, которое можемъ поставить мы, напутствуя васъ въ путь жизни вашей... Частнѣйшее и исключительнѣйшее въ полномъ смыслѣ слова. Не погрѣшимъ, если скажемъ, что какъ исключительно положеніе Священника среди міра людского, такъ исключительно и положеніе жены его среди женъ міра. Она есть уже въ буквальнѣйшемъ и безуступочномъ смыслѣ единая и единственная, первая и послѣдняя, по пословицѣ, помощница ему въ его исключительной, высочайшей дѣятельности. Онъ то уже, если забудетъ ее, по смерти ея, и задумаетъ ожениться другою, то является уже не обыкновеннымъ только грѣшникомъ, а долженъ уже — страшно вымолвить — отречься отъ нисшедшей на него благодати таинства, равнаго Брещенію!... Не погрѣшимъ, далѣе, если скажемъ, что суруга Священника, понимая всю высоту таинственнаго освященія его личности возложеніемъ рукъ епископскихъ, низводящихъ на него благодать дѣйствительную и совершительную для спасенія людей, и входя религиозно

просвѣщеннымъ духомъ своимъ въ полное единеніе съ его душою, можетъ почувствовать и въ себѣ вѣяніе и отблескъ этой благодати, въ смыслѣ подготовляющемъ и располагающемъ души людскія ко всему доброму и спасительному. Слѣдовательно, супруга пастыря, подобно лунѣ, свѣтящей въ своей мѣрѣ, свѣтомъ, заимствованнымъ отъ солнца, можетъ освѣщать все, что потребуетъ этого освѣщенія. А отсюда уже, при ея образованности въ строгомъ духѣ православія, въ духѣ серьезной мысли, и открывается для нея поприще новое, поприще возвышеннѣйшее, недоступное никакой другой женщинѣ. Что значить, чего стоитъ эта совмѣстная, просвѣщенная работа надъ изученіемъ паствы съ ея духовными нуждами — изученіемъ, не всегда поддающимся холодному анализу мужчины, и съ большею свободой открывающимся проникающему сердцу женщины! И здѣсь можно съ увѣренностью сказать, что сердечная, глубочайшая сторона жизни паствы, особенно въ средѣ простаго народа, можетъ быть во власти просвѣщенной подруги пастыря; эта первичная почва его дѣятельности можетъ быть ею размягчаема, подготовляема и передаваема ему для насажденія и благодатствованнаго возвращенія. Мы возрасли и воспитались въ средѣ духовной; а потому и знаемъ по опыту, какъ много можетъ значить — то, какъ много можетъ значить — для нашего простаго, сердечнаго народа его «матушка» — жена Священника даже въ томъ случаѣ, когда она только отъ природы добра и сердечно благородна... Во сколько же разъ неотразимѣе будетъ ея вліяніе, если при этомъ она еще и религиозно образована. Ея бесѣды, ея увананія, ея сердечно бла-

годатные отвѣты на вопросы темной, ищущей свѣта души — все это можетъ сдѣлать ее такимъ ангеломъ свѣта, съ силою котораго и съ его вліяніемъ на народъ не посмѣли и не подумали бы бороться тѣ духи тьмы, которые являлись такъ недавно въ среду народа въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. О, какой отпоръ могла и можетъ дать ихъ, такъ называемому, раціонализму религіозно образованная женщина — супруга пастыря церкви, если только постарается она понять, что она такое, если не только не устремится къ подражанію, а даже постыдится подражать тѣмъ женамъ, которыхъ счастье лишь во внѣшнихъ украшеніяхъ да въ пустыхъ, убивающихъ всякую мысль разговорахъ, занятіяхъ, развлеченіяхъ и имъ же ими, къ сожалѣнію — легионъ легионовъ!..

Говорить ли еще о вашемъ значеніи для новой церковно-приходской школы, въ которой вы можете и должны явиться предызбранными и бесспорными учительницами? Повторяемъ, что въ дѣтяхъ и ихъ настроеніи все счастье будущаго; слѣдов., будучи учительницами дѣтей, вы явитесь отвѣтственными созидательницами этого счастья. Постарайтесь только понять и помнить, что эта школа, по волѣ Бога и Царя воротилась, какъ евангельскій сынъ заблудшій, съ распутій реализма и невѣрія подъ кровъ Отца небеснаго и св. матери своей, Божіей церкви, и что ея задача — выдвинуть въ дѣтскомъ сердцѣ на первый и всепокрывающій планъ религію святую.

Говорить ли, наконецъ, о чтеніи и особенно пѣніи церковномъ, и особенно пѣніи общенародномъ, выработкою

котораго, при основательномъ музыкальномъ образованіи, полученномъ на тѣ же средства церкви, многія изъ васъ могутъ заниматься съ великимъ уснѣхомъ и пользою? Постарайтесь же принести въ жертву именно церкви святой, а не чему другому это музыкальное образованіе. Въ числѣ средствъ могучаго воздѣйствія на воспитаніе нашего пѣвучаго народа трудно придумать средство болѣе могущественное, чѣмъ церковное пѣніе. Въ настоящее время уже сознана мысль, что средствомъ совращенія нашего темнаго простонародья въ различныя секты служить, между прочимъ, общее пѣніе тамъ quasi-религиозныхъ пѣсней, пѣсней дикихъ, кощунственныхъ, бессмысленныхъ, но которыя охотно идетъ пѣть нашъ простолюдинъ потому только, что въ нихъ является имя Божіе — идетъ пѣть, не понимая въ духовной слѣпотѣ своей, что дикимъ сочетаніемъ словъ оскорбляетъ онъ это святѣйшее Имя... Научите же его пѣть и сами пойте съ нимъ Богу разумно и осмысленно. Кто видѣлъ въ православной Россіи крестные ходы, бывающіе при перенесеніи св. Иконъ за нѣсколько верстъ по городамъ и селамъ нашимъ, тотъ скажетъ, какъ неизглаголанно и неописуемо, и незабвенно до гроба могучее впечатлѣніе бывающаго при этомъ иногда общенароднаго пѣнія. А намъ, жившимъ въ Россіи, слишкомъ знакомо это. Въ Воронежской, напр., губерніи, на берегу тихаго Дона есть чудная обитель Дивногорская. Ежегодно, 29 Августа износится оттуда въ городъ Остро-гожскъ за 18 ть верстъ, прелестными лугами рѣки Сосны св. Икона Богоматери, именуемая Сицилійская. Толпы народа живой рѣкою льются и волнуются путемъ, тѣсясь

къ несомой святынь; уставшия, отходя въ сторону, уступаютъ мѣсто другимъ; и надъ всѣми ими, высоко поднимаясь, сіяя и колышась, шествуетъ эта лучезарная, искрометная Икона Пречистой Дѣвы, и тысячеголосый хоръ народа, естественно нестройный, но невыразимо могучій и на открытомъ воздухѣ увлевающей душу, различными голосами и устами, но единымъ сердцемъ внемолчно вопіеть: *«Яко неборимую стѣну и источникъ чудесъ стяжавше! Ты раби Твои, Богородице Пречистая, сопротивныхъ ополченія низлагаемъ...»* Эти минуты жизни неизгладимы до гроба! Идешь, бывало, и поешь, влекомый толпою, и думаешь себѣ: Господи! есть ли, подлинно, въ мірѣ такая сопротивная сила, которая устояла бы предъ этой и даже безоружною массою, когда подниметь и понесетъ она съ собою въ боевой щитъ свой — Икону святую, и изъ глубины души воскликнетъ къ небесной помощи?...

Вдумайтесь же, дорогія путницы наши, въ значеніе вашего участія во всѣхъ тѣхъ высочайшихъ задачахъ женщины, какія намѣчены были вамъ слабымъ словомъ моимъ!

Затѣмъ — прощайте. Прощайте, можетъ быть, на вѣки!

Дай Богъ Вамъ прожить такъ, чтобы ни пыль, ни грязь жизненной дороги, ни мутныя брызги житейскаго моря не запятнали той душевной чистоты вашей, съ какою теперь вы отсюда выходите! Дай Богъ вамъ безпреткновенно пройти жизненный путь вашъ и освятить, возвысить, прославить и облагородить тѣ поприща, какія Гос-

подъ пошлетъ вамъ въ жизни, въ вашей женственности, вашей непорочностью, задумчивостью и нѣжностью, какія здѣсь были воспитуемы то въ васъ. А прошедши этотъ путь, да сподобить васъ Господь снова собраться вкупѣ тамъ, въ землѣ новой, идѣже правда живетъ, въ Іерусалимѣ новомъ, гдѣ Пресвятая Дѣва, ваша здѣшняя и жизненная Покровительница, предста одесную Царя небеснаго, въ ризахъ чистоты своей неизлащенныхъ одѣяна и блещущими, недомыслимо высочайшими качествами духа преиспещренна. Соберитесь же туда, свободныя отъ всего земного, кромѣ добра, какъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ мирныхъ были почти свободны вы; соберитесь такими же сестричками родными, какими здѣсь вы были; соберитесь и воспойте Ей пѣснь нову, какъ здѣсь вы пѣли Ей службы Божіи!

Тамъ будетъ намъ благо, тамъ нѣтъ уже горя;

Тамъ вѣчная радость, блаженство живутъ;

И ярыя волны житейскаго моря

Туда не достигнуть, туда не взойдутъ!

П. Смирновъ.

Пѣснь русскихъ дѣтей святымъ Кириллу и Меодію *)

Б

ратья свитые! Вы письма на,

Что сѣмяна,

Въ міръ Славянскомъ посѣяли,

*) Въ память свв. Учителей Славянскихъ, 11 Мал.

Вы Божій страхъ
Предкамъ въ дупахъ
Рѣчью родной возлелѣяли!
Вашихъ трудовъ
Въ десять вѣковъ
Сѣмя взопло снѣлымъ колосомъ!
Дайте жъ и намъ,
Юнымъ душамъ,
Васъ восхвалить дѣтскимъ голосомъ!
Вы — радость, свѣтъ —
Божій Завѣтъ
Нашею рѣчью передали;
Вашимъ трудомъ,
Вашимъ умомъ
Мы, дѣти, свѣтъ тотъ увѣдали!
Рѣчью родной,
Сладкой, живой,
Съ дѣтства мы Богу молилися,
Съ дѣтскихъ годовъ
Смыслъ Божьихъ словъ
Мы понимать научилися!
Отъ матерей
Звукъ тѣхъ рѣчей
Намъ сообщалъ силу велию;
Сладко звучалъ —
Божій гимналь
Надъ нашей дѣтской постелю!
И въ Божій храмъ,
Въ пользу душамъ,

Мы съ малолѣтства являлися;

Пѣнью внимать

И понимать

Мы безъ труда научалися!

Годы прошли —

Мы подросли —

Грамота ваша узналася:

Радость была!

Ибо свѣтла

Книжная рѣчь намъ являлася!

Братья святыя! Силой своей

Русскихъ дѣтей

Будьте отъ зла вы хранители!

Бога любить,

Вѣру хранить

Вы насъ наставляте, учителя!

И за Царя,

Сердцемъ горя,

Дайте молиться съ отрадою!

Будь вашъ покровъ

Въ вѣки вѣковъ

Нашей отчизны оградою!

П. Смирновъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. I. Епархіальныя извѣстія. II.

Докладная записка свящ. Н. Кумпана на Имя Его Преосвященства.

III. Отъ Совѣта Таврическаго Епархіальнаго женскаго училища.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ. 1. Положеніе и значеніе женщины въ Христіанствѣ вообще и въ духовномъ званіи въ частности. П. Смирнова. 2. Пѣснь русскихъ дѣтей св. Кириллу и Меѳодію. Его же.

Дозволено цензурою. Симферополь, 15 Іюня 1888
года. Цензоръ, Священникъ *Іоаннъ Тяжеловъ*.

Редакторы: Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *І. Знаменскій*.

Секретарь Консistoriи *А. Гроздовъ*.